

В. К. Мерц

Торайгыров университет,
ул. Ломова, 64, Павлодар, 140008, Казахстан
[v_merz@mail.ru]

Toraigyrov University,
64 Lomova St., Pavlodar, 140008, Kazakhstan
[v_merz@mail.ru]

К проблеме изучения мезолита Казахстана¹

Статья поступила 27.03.2023, принята 16.05.2023

Для цитирования: Мерц В. К. К проблеме изучения мезолита Казахстана. *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований*. 2023 (1), 102–119. DOI: 10.31600/2658-3925-2023-1-102-119

For citation: Merz V. K. To the problem of studying the Mesolithic of Kazakhstan. *Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies*. 2023 (1), 102–119. (in Russ.). DOI: 10.31600/2658-3925-2023-1-102-119

Резюме. В статье рассматриваются история и проблемы изучения мезолита Казахстана, состояние его изученности и достигнутые результаты. Наиболее информативные мезолитические комплексы получены на многослойной стоянке Шидерты 3. Они легли в основу периодизации и хронологии голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана. Среди них особое место занимает поздне-мезолитический комплекс с ярко выраженными специфичными признаками, позволяющими рассматривать его в рамках самостоятельной культуры, названной по месту наибольшей концентрации её памятников в среднем течении реки Шидерты. В качестве демонстрации основных элементов шидертинской культуры приводится описание одного из комплексов, вы-

Merz V. K. To the problem of studying the Mesolithic of Kazakhstan. The article discusses the history and problems of studying the Mesolithic of Kazakhstan, the state of its study and the results achieved. The most informative Mesolithic complexes were obtained at the multilayered site of Shiderty 3. They formed the basis of the periodization and chronology of the Holocene complexes of Northern and Central Kazakhstan. Among them, a special place is occupied by the Late Mesolithic complex with pronounced specific features that make it possible to consider it within the framework of an independent culture, named after the place of the greatest concentration of its sites in the middle reaches of the Shiderty River. As a demonstration of the main elements of the Shiderty culture, a description of one of the complexes identi-

¹ Исследование выполнено при частичной поддержке гранта МНВО РК ПЦФ BR18574223 «Северный Казахстан в контексте культурно-исторических процессов: от эпохи камня до этнографической современности».

The research was done with partial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project PCF BR18574223 «Northern Kazakhstan in the context of cultural and historical processes: from the Stone Age to ethnographic modernity».

явленного среди материалов поселения Борлы. Рассматриваются также методические различия в подходах к изучению голоценовых комплексов исследователей Казахстана и Западной Сибири, приводящие к разночтениям и несоответствию культурно-исторических построений.

Ключевые слова: мезолит, Казахстан, Павлодарское Прииртышье, шидертинская культура, микролиты, трапеции.

ified among the materials of the Borly settlement is given. Methodological differences in approaches to the study of Holocene complexes of researchers from Kazakhstan and Western Siberia, creating discrepancies and inconsistencies of cultural and historical constructions, are also considered.

Keywords: Mesolithic, Kazakhstan, Pavlodar Priirtyshye, Shiderty culture, microliths, trapezes.

Введение

Одной из самых сложных проблем в археологии Казахстана остаётся изучение мезолита как переходного периода от палеолита к неолиту, границы которого достаточно условны и размыты. Первые попытки найти раннеголоценовые материалы среди многочисленных собраний остатков каменных индустрий Казахстана были предприняты в 60-е годы прошлого столетия в центральных и южных регионах страны (Медоев 1965; Клапчук 1969; Волошин 1976; Алпысбаев 1977; Мотов 1979). Как правило, выводы носили гипотетический характер и сводились к общим заявлениям о наличии материалов мезолит-неолитического облика или микролитических комплексов. В этих работах было мало конкретной информации, и они не могли способствовать формированию реалистичных представлений о мезолите региона.

Более успешными оказались попытки решения проблемы мезолита Казахстана, предпринятые североказахстанскими исследователями в 70–80-х годах прошлого столетия. Широкомасштабные исследования по каменному веку, проведённые в регионе, привели к открытию, в числе прочего, и мезолитических памятников. На первый план, однако, вышли более многочисленные и информативные комплексы эпохи неолита и энеолита, заслонившие мезолитическую тему, которой в итоге была посвящена лишь одна полноценная статья (Зайберт, Потемкина 1981) и несколько сообщений (Логвин 1977; Заитов 1982). Тем не менее, на основе этих работ были сделаны широкие обобщения по Северному Казахстану и выделена самостоятельная мезолитическая культура, названная чаглинской (Коробкова 1989: 172).

На рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века работы по изучению мезолита Центрального Казахстана предпринял А. Ю. Чиндин (Чиндин 1989; 1992), но развития они не получили. В это же время была открыта многослойная стоянка Шидерты 3, продолжительное изучение которой позволило получить важную информацию по раннеголоценовым комплексам. Эти комплексы связаны здесь с тремя культурными слоями, разделёнными стерильными прослойками и давшими огромное количество материала, лишь частично введённого в научный оборот (Мерц 1992; 2006; 2007; 2008). Данные находки позволили получить представление о периодизации каменных индустрий раннеголоценовой эпохи, их типологии, сырьевых стратегиях. Они могут служить в качестве эталона для выделения аналогичных комплексов в огромных коллекциях подъёмных

материалов. Эта информация успешно используется нами в изучении материалов других голоценовых памятников Северо-Восточного Казахстана и соседних регионов, где уже выявлено значительное количество стоянок, содержащих мезолитический материал различных периодов, хорошо отличающихся по типологии и сырьевым предпочтениям.

В результате этих исследований выяснилось также, что значительная часть материалов, отнесённых В. Ф. Зайбертом и В. Н. Логвиным к мезолиту, в действительности не являются таковыми, так как полностью соотносятся с раннеолитическими комплексами многослойной стоянки Шидерты 3, содержащими керамику (Мерц 2004; 2008). Это, прежде всего, тельманская группа памятников, среди которых, видимо, есть мезолитические материалы, но они рассматривались авторами вместе с раннеолитическими в рамках единого культурно-хронологического комплекса (Зайберт, Потемкина 1981). В итоге для мезолита Северного Казахстана остаётся очень узкая выборка объектов с небольшим количеством материала, которые можно пытаться рассматривать в рамках данной эпохи, но они нуждаются в дальнейшем изучении.

В других регионах страны также предпринимались попытки изучения мезолитических комплексов, происходящих, в основном, из коллекций, собранных на поверхности (Бексеитов 2002; Искаков 2006; Подзюбан 2002; 2021; Астафьев, Баландина 2001; Артюхова и др. 2003; 2017; Клышев, Кольцов 2015), но пока они дают не очень много для понимания особенностей раннеголоценовых индустрий на территории Казахстана и его отдельных частей. Необходимы целенаправленные работы по изучению мезолитических памятников в различных регионах страны. Определённый вклад в решение этой задачи вносят наши российские коллеги, недавно начавшие исследования раннеголоценовых памятников в Юго-Восточном Казахстане (Павленок и др. 2021; Pavlenok et al. 2021). Нами также проводятся работы, в результате которых пополняется информация о мезолите Павлодарского Прииртышья. В последние годы новые данные и большой фактический материал, находящийся в обработке, были получены на оз. Борлы, в долине реки Тундык и горах Калмаккырган на юге Павлодарской области. В 2022 году были проведены первые стационарные работы на поселении Костомар, расположенном в северной части области на левом берегу Иртыша. Раскоп, заложенный в аварийной части памятника на площади около 50 кв. м, позволил уточнить стратиграфию, выявить структуры с остатками очагов, фауны и большого количества микролитического материала.

Материалы

Опираясь на результаты исследований раннеголоценовых комплексов региона, можно сказать, что в Северо-Восточном Казахстане известны два основных типа каменных индустрий, соотносимых с данным периодом и представленных материалами слоёв 5 и 4 многослойной стоянки Шидерты 3 (Мерц 2008). Изделия слоя 5 выполнены из различных кремнёвых пород, предпочтение отдавалось халцедонам, опалам, вторичная обработка присутствует в основном на скребках, выполненных из отщепов и пластин. В отличие от материалов слоя 6, геометрические формы единичны, резцовая техника не развита. Расщепление камня производилось с использованием отжимной технологии, представлены нуклеусы конической и клиновидной формы (Мерц 2007: 110).

Наиболее яркий комплекс позднего мезолита представляют материалы слоя 4, выполненные из жёлтого и вишнёвого яшмокарцита. Использовался также лиловый кремьен. Данный комплекс демонстрирует устойчивые технико-типологические характеристики, отмеченные во всех известных памятниках (Мерц 1998; 2006; 2012) и, несомненно, отражающие культурно-хронологическое единство, могущее рассматриваться как отдельная археологическая культура (Мерц 2018: 103). По месту наибольшей концентрации самых ярких памятников этой культуры предлагаем называть её шидертинской. Её ареал охватывает Среднее Прииртышье, включая омскую часть, где впервые подобные материалы были выявлены на поселении Черноозерье VIa (Генинг и др. 1973). Ареал памятников данного типа тянется с севера на юг более чем на 600 км по долине Иртыша полосой до 400 км между северо-восточной частью Казахского мелкосопочника, Кулундинской равниной на востоке и Прииртышской на севере (рис. 1). Основные источники сырья находятся к югу от г. Экибастуз, где имеются крупнейшие залежи яшмокарцитов, обнажающихся к северо-западу от оз. Ангренсор. Здесь расположен комплекс стратифицированных стоянок, мастерских и местонахождений открытого типа (Волошин 1987: 8–9).

Впервые данный тип индустрии был идентифицирован при изучении материалов стоянки Кара-Будур 3 (Мерц 1998), расположенной у временного водотока к востоку от одноимённого родника. Именно эта небольшая, но очень выразительная коллекция дала первоначальное представление об индустрии данного типа на территории северо-восточной окраины Сары-Арки (рис. 2: 1–28). Более полно эта индустрия представлена в изученном позже слое 4 стоянки Шидерты 3 (Мерц 2006). Затем аналогичный комплекс был выявлен на поселении Костомар (Мерц 2012). Сейчас подобные материалы известны на многих памятниках региона, но здесь мы говорим только об основных объектах. Среди них и поселение Борлы, где материалы этой индустрии представляют цельный комплекс, который мы рассматриваем ниже. При этом нужно отметить также, что здесь встречаются и более ранние материалы, выявленные как в раскопе, так и на других участках разрушаемой береговой линии близ поселения и на местонахождении Борлы 2. Все эти материалы заслуживают особого внимания и нуждаются в дальнейшем изучении, как и материалы других мезолитических памятников региона.

Позднемезолитические материалы шидертинского типа на поселении Борлы представлены в основном изделиями из жёлтого и вишнёвого яшмокарцита, встречается также лиловый кремьен и тёмно-зелёная кремнистая порода. Многие предметы из яшмокарцита сильно выветрены, покрыты патиной и карбонатными налётами (рис. 3). Ввиду переотложения они были дисперсно размещены в неолитическом слое, и, возможно, некоторые из них вторично использовались, о чём говорят следы реутилизации и предметы из неолитического клада, найденного на поселении, в котором были изделия и из этих пород. Всего к данному комплексу нами отнесено 942 предмета, но это число не окончательное, поскольку работы на памятнике продолжаются, и, видимо, количество изделий данного комплекса может увеличиться. Ниже даётся характеристика основных типов каменных изделий данного комплекса.

Нуклеусы представлены коническими, призматическими, торцовыми формами небольших (до 3,5 см) размеров с фасетированными ударными площадками. Как правило, они сделаны на крупных отщепках, частично сохраняющих вентральную поверхность. Расщепление производилось методом отжима.

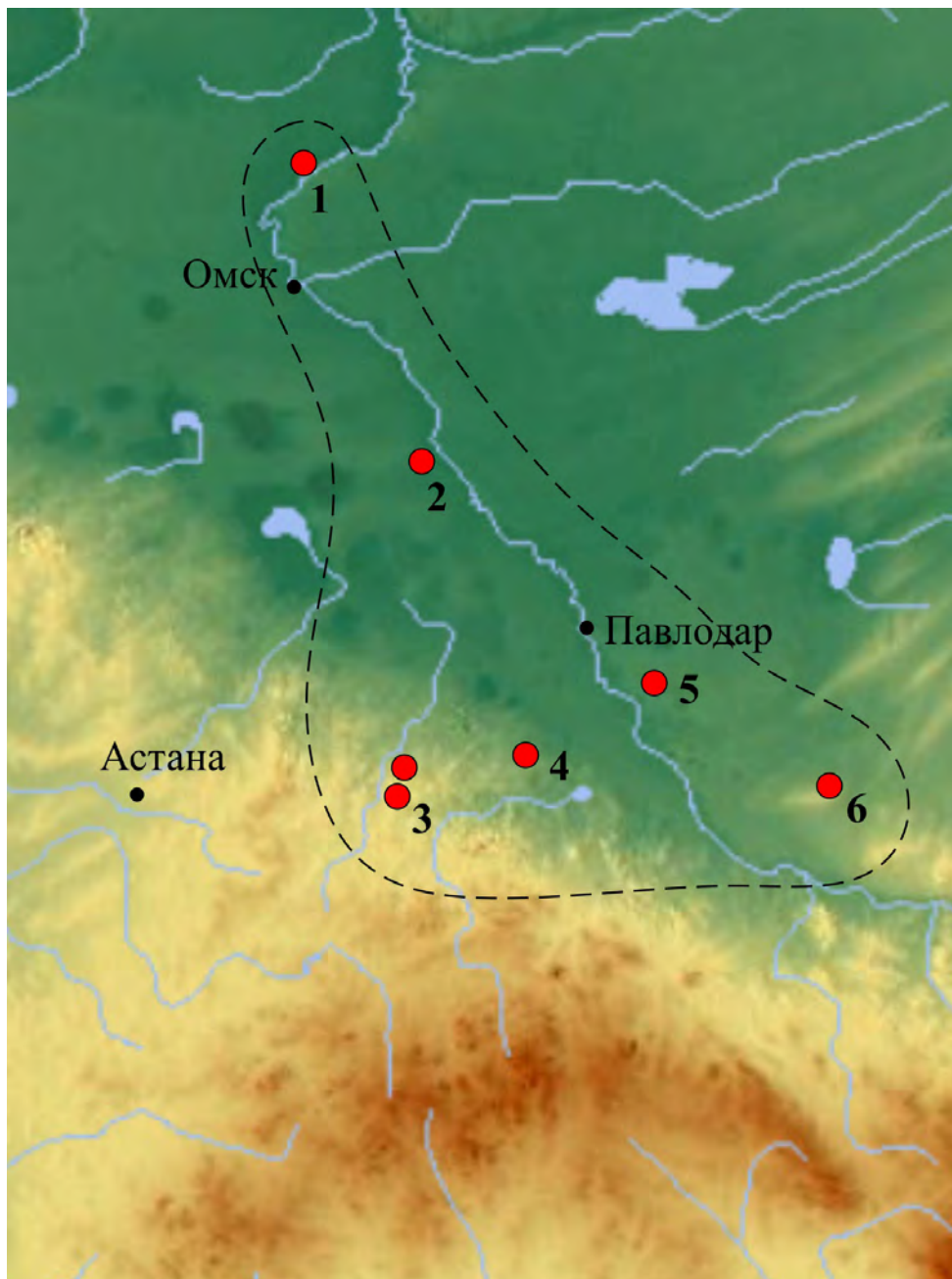

Рис. 1. Расположение основных памятников шидертинской культуры. 1 — Черноозерье VIa; 2 — Костамар; 3 — Шидертинская группа: Шидерты 1–3, 5, Кара-Будур 3; 4 — Ангренсор; 5 — Борлы; 6 — Павловка 1

Fig. 1. Map showing the location of the main sites of Shiderty culture. 1 — Chernoozerie VIa; 2 — Kostamar; 3 — Shiderty group: Shiderty 1–3, 5, Kara-Budur 3; 4 — Angrenсор; 5 — Borly; 6 — Pavlovka 1

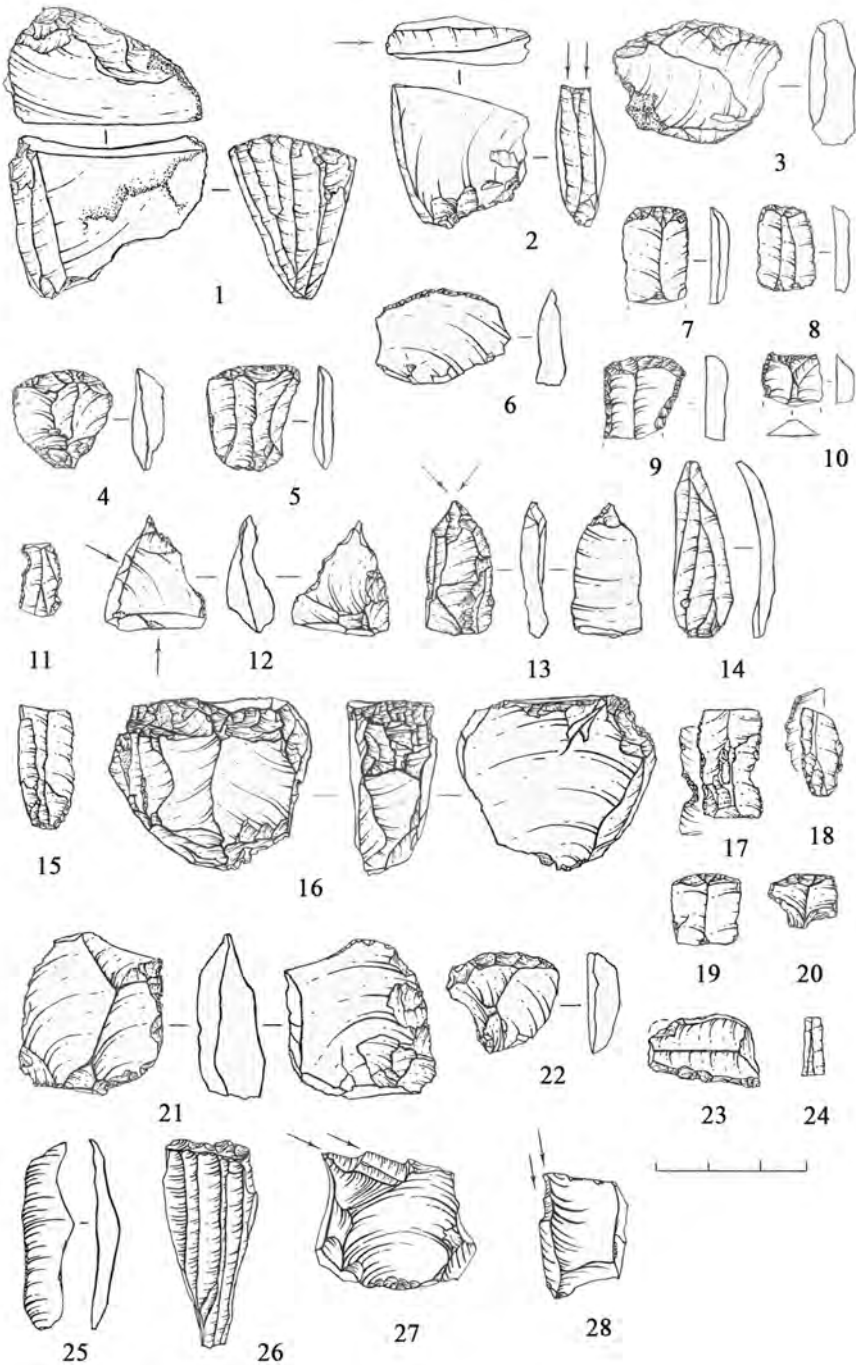

Рис. 2. Стоянка Кара-Будур 3, каменный инвентарь
Fig. 2. Kara-Budur 3 site, stone inventory

Рис. 3. Микролиты позднемезолитического комплекса поселения Борлы
 Fig. 3. Borly site, microliths of the Late Mesolithic complex

Среди типичных форм ядрищ для микропластин отметим конический монофронтальный нуклеус со слегка скошенной ударной площадкой и ретушированным гребнем (рис. 4: 1); конусовидный бифронтальный со слегка скошенной ударной площадкой и ретушированным гребнем (рис. 4: 3); призматический двуплощадочный монофронтальный с противоположащими скошенными ударными площадками (рис. 4: 2); подпризматический монофронтальный со скошенной ударной площадкой (рис. 4: 4); подпризматический двуплощадочный монофронтальный с противоположащими гладкими ударными площадками и подготовленным под площадку основанием, имеющим лёгкий скос (рис. 4: 5).

Интересен экземпляр, напоминающий преформу конусовидного монофронтального нуклеуса, но расщеплявшийся с торцов (рис. 4: 6). В такой же манере выполнен торцовый нуклеус подчетырёхугольной формы с двумя противоположащими ударными площадками, рабочие края которых сильно забиты, видимо, в результате использования их в качестве какого-то инструмента, возможно, ретушёра, а одного из острых углов — в качестве резца (рис. 4: 7). Комбинирование различных функций в целом характерно для орудий данной индустрии, многие из них напоминают нуклеусы, но выполняли также другие функции. Это хорошо демонстрирует следующее изделие подчетырёхугольной формы, обработанное с трёх сторон перпендикулярными снятиями в резцово-скобковой технике (рис. 4: 8), при этом с двух сторон по краям сохранились два рабочих края, обработанные скребковой ретушью (один из них напоминает лезвие долотовидного орудия). Столь же необычно изделие в виде торцово-клиновидного нуклеуса с неровной фасетированной ударной площадкой, скошенной набок, в верхней части которой сделан выступ, обработанный резцовыми сколами. Основание изделия подработано так, чтобы с него можно было производить встречные сколы по фрон-

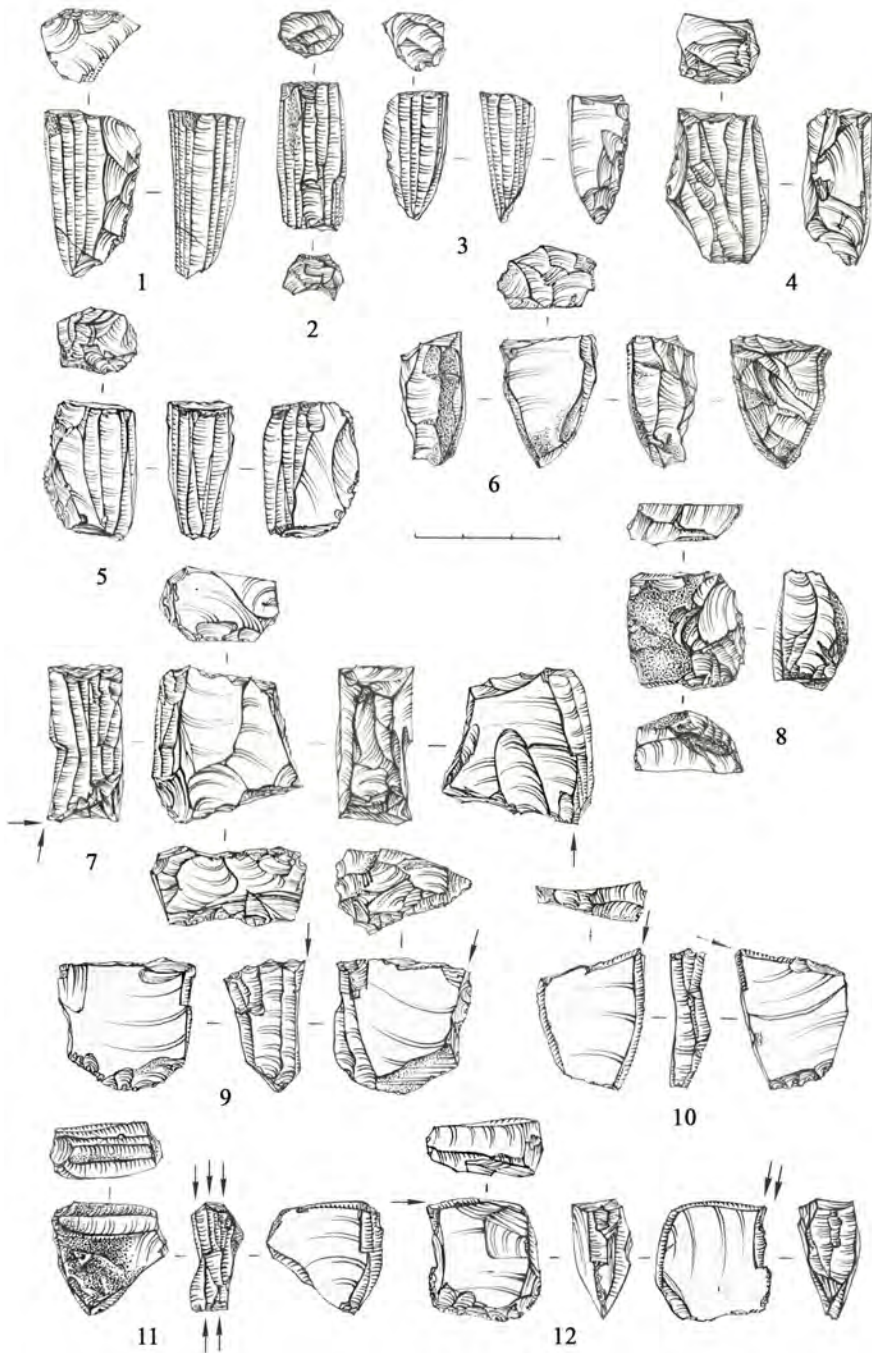

Рис. 4. Поселение Борлы, нуклеусы и нуклевидные резцы позднемезолитического комплекса
Fig. 4. Bortly site, Late Mesolithic complex, cores and core-like burins

ту, противоположный ему торец также обработан боковыми сколами: продольным по ударной площадке и мелким резцовым сверху (рис. 4: 9). К типичным нуклеидным резцам можно отнести изделие на отщепе подклиновидной формы с основанием, обработанным под скребок, и серией резцовых сколов по широкому торцу (рис. 4: 10). Из торцового нуклеуса с фронтом, заходящим на боковую грань, путём нанесения серии встречных сколов по ударной площадке и одним сколом по противоположному торцу также сделан многофасеточный резец (рис. 4: 11). Ещё одно орудие оформлено на отщепе с приострѐнным ретушью клиновидным основанием, переходящим в гребень, по торцу которого и ударной площадке нанесено несколько перпендикулярных резцовых сколов (рис. 4: 12). Оно также, видимо, переформлено из торцового нуклеуса. Много резцов на отщепях, в том числе нуклеидных (рис. 5: 14–18).

Особую категорию представляют срединные многофасеточные нуклеидные резцы на отщепях, имеющие подтреугольную форму (рис. 6: 1–3). Один комбинированный срединный резец сделан на дистальной части массивной пластинки с регулярной дорсальной ретушью по левому краю и вентральной подтѐской ударной площадке (рис. 6: 4).

Угловые и диагональные резцы представлены серией изделий на сечениях пластин с фасетированным торцом (рис. 6: 5–6), угловым сколом по фасетированному торцу и диагональным по противоположному (рис. 6: 7). На проксимальном фрагменте пластинки с вентральной подтѐской ударной площадки также сделан диагональный скол (рис. 6: 8). На другом проксимальном фрагменте, имеющем дорсальную краевую ретушь, скол сделан с приострѐнной ударной площадки. Здесь также по цвету патины фиксируются следы реутилизации (рис. 6: 9). Ещё один крупный диагональный резец выполнен на проксимальной части пластины с ретушированным торцом (рис. 6: 11). На коротком сечении пластинки с торцовой ретушью сделан двойной угловой резец (рис. 6: 10).

Изначальные размеры нуклеусов могли быть довольно большими, о чём говорят сечения крупных пластин и изделия из них. Однако крупные пластины могли приноситься на стоянку в готовом виде с места их первоначального получения на стоянках-мастерских вместе с отщепами и заготовками нуклеусов для микропластин.

Так же, как и в шидертинской коллекции, представлены крупные формы орудий, которые, видимо, можно отнести к категории концевых скребков. Одно из них выполнено на массивном отщепе с концевым лезвием высокой формы, ретушированными краями, вентральной подтѐской и поперечным сколом по ударной площадке. Данное орудие, вероятно, крепилось к рукояти (рис. 5: 1). Больше скребков на отщепях среднего размера: с угловатым лезвием средней высоты и отсечѐнной ударной площадкой (рис. 5: 2); с концевым высоким лезвием и поперечным сколом по ударной площадке с вентральной стороны (рис. 5: 5); с двойным боковым лезвием на продольном отщепе (рис. 5: 3); с концевым лезвием высокой формы на реберчатом сколе (рис. 5: 4); на массивном небольшом отщепе с концевым лезвием средней и высокой формы (рис. 5: 7); с двумя боковыми лезвиями и концевым вогнутым лезвием на плоском отщепе с вентральной подтѐской и усечѐнной ударной площадкой (рис. 5: 10); на мелком отщепе с ровным концевым лезвием высокой формы, заходящим на более пологий край слева (рис. 5: 6); с концевым прямым слегка скошенным лезвием (рис. 5: 9); с конвергентным лезвием на мелком отщепе с глубоким дорсальным

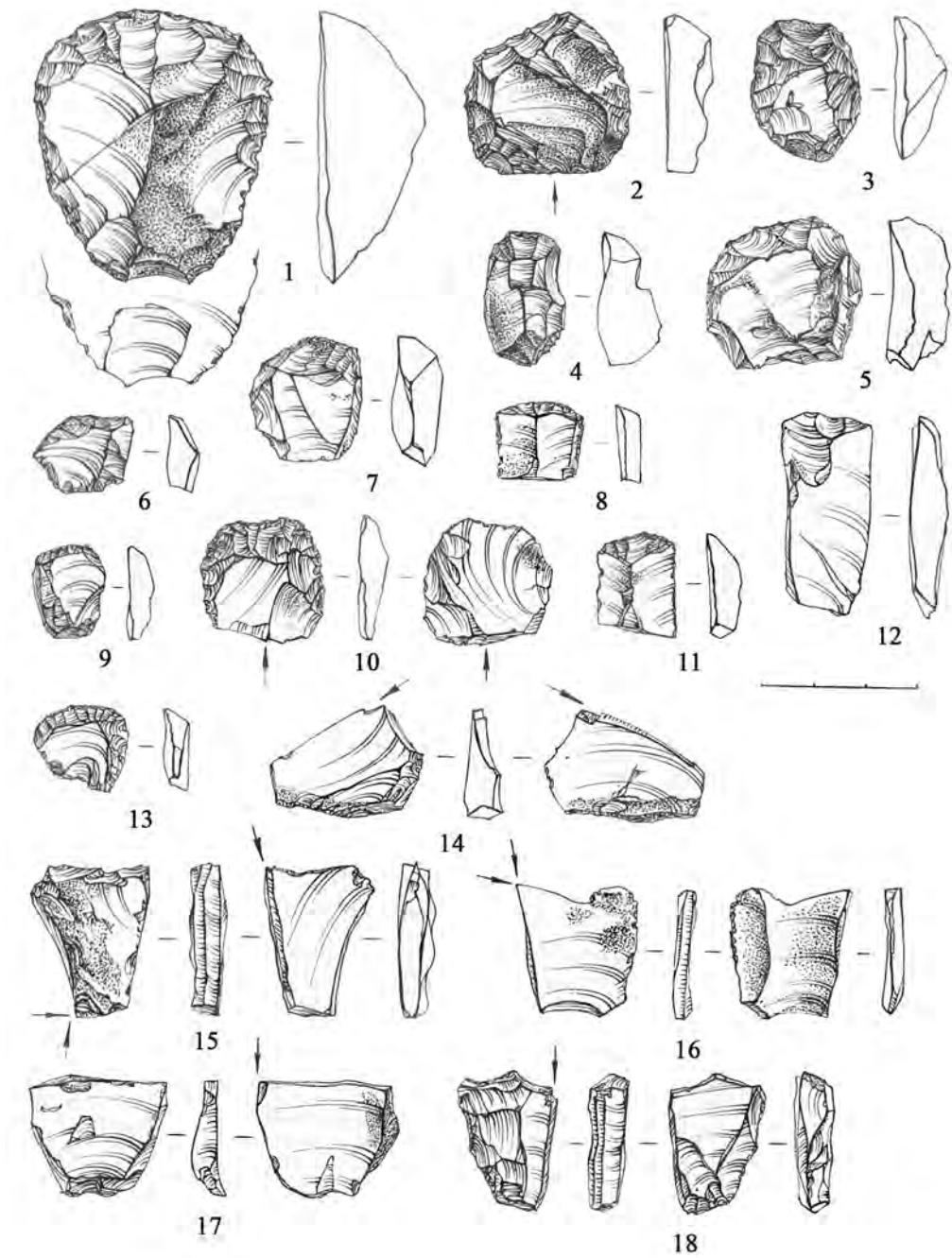

Рис. 5. Поселение Борлы, позднемезолитические орудия из отщепов и пластин
Fig. 5. Borly site, Late Mesolithic tools on flakes and blades

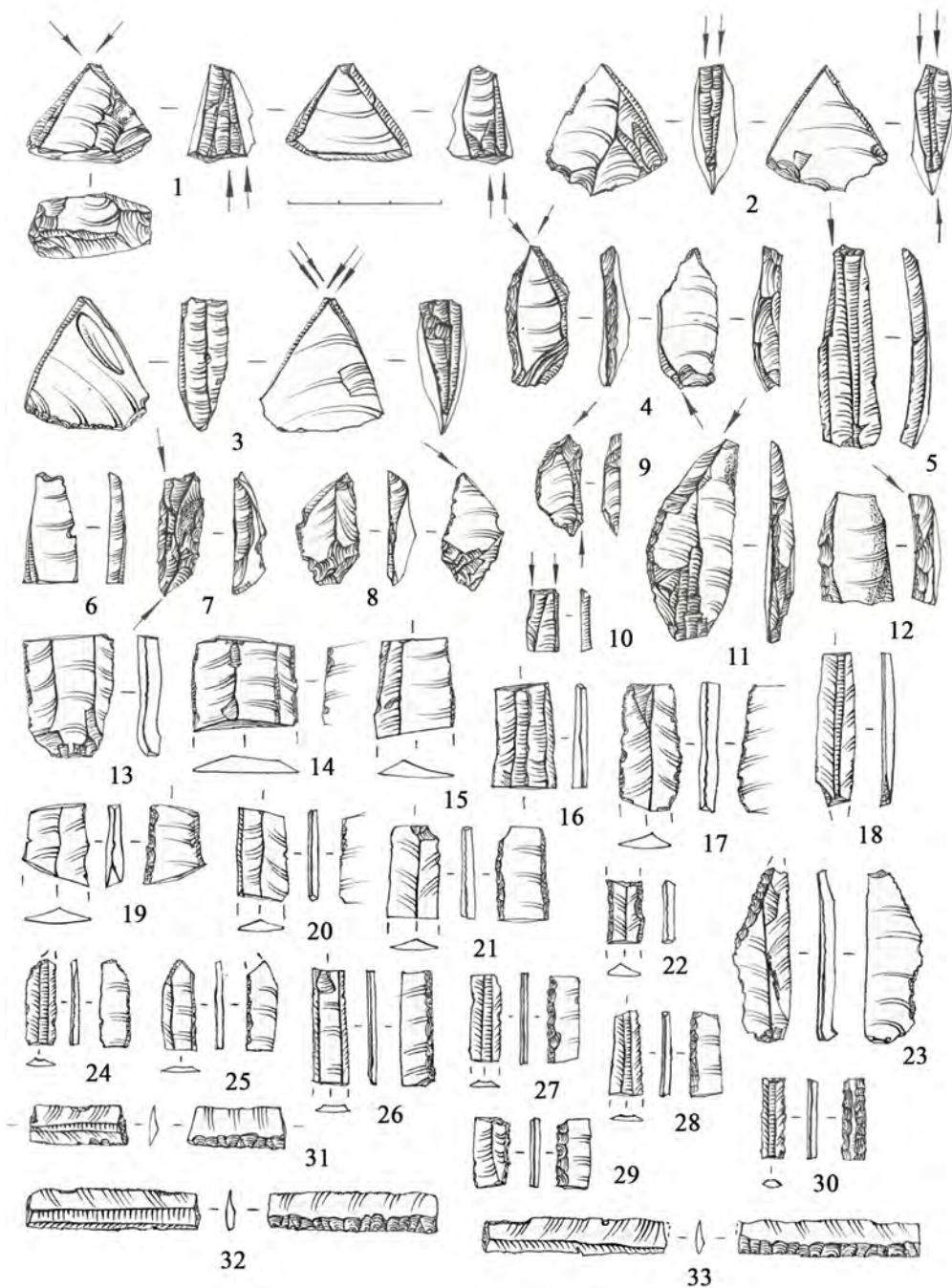

Рис. 6. Поселение Борлы, резцы и орудия из пластин позднемезолитического комплекса
Fig. 6. Borly site, Late Mesolithic complex, burins and other tools made on blades

сколом по ударной площадке (рис. 5: 13). Меньше концевых скребков на сечениях пластин: один типичный образец со слегка выпуклым лезвием и регулирующей ретушью по правому краю (рис. 5: 8); орудие с концевым слегка скошенным лезвием и мелкой ретушью по краям (рис. 5: 11); ещё один образец с неровным выпуклым лезвием средней высоты, оформленный на концевой части продольного сечения отщепа (рис. 5: 12).

Изделия на пластинах, помимо концевых скребков и резцов, представлены также различными фрагментами с ретушью, использовавшимися, вероятно, в качестве ножей, вкладышей и боковых скребков. Чаще всего они ретушированы с дорсальной и вентральной стороны (рис. 6: 13–17, 19–22, 26–28, 30). Особое место среди них занимают вкладыши и геометрические микролиты, представленные пластинками с одним скошенным краем (рис. 6: 18, 23–25). Много обломков низких симметричных трапеций со скошенными краями (рис. 6: 29, 31), но есть и два целых экземпляра (рис. 6: 32–33), обработанных по широкому краю чешуйчатой ретушью с вентральной стороны. Это типичные формы для данной индустрии.

Обсуждение

Позднемезолитический комплекс поселения Борлы представляет великолепную серию изделий, характерных для каменной индустрии шидертинской культуры. Однако в этом комплексе мы видим диагональные резцы, не типичные для данной индустрии. Подобные изделия в регионе известны нам только среди позднеолитических материалов стоянки Шидерты 3. Вероятно, и здесь они связаны с какой-то неолитической индустрией, в которой для их изготовления были повторно использованы мезолитические заготовки. Об этом может косвенно свидетельствовать присутствие подобных орудий из яшмовкварцита и кремня в упомянутом выше неолитическом кладе каменных орудий, связанных с основным, позднеолитическим комплексом поселения. Его крупнопластинчатые орудия и заготовки выполнены из кварцита различных оттенков. Всего в кладе 92 предмета, из которых шесть яшмовкварцитовых изделий и два кремнёвых, в том числе четыре диагональных резца и один боковой. Кроме этого клада, в неолитических комплексах поселения такие резцы пока не встречались.

Вопрос о датировке комплексов шидертинского типа пока остаётся открытым. Их стратиграфическое положение на поселении Костомар и в слое 4 на стоянке Шидерты 3, а также дата, полученная по гумусу из ямки в этом слое, калиброванное значение которой составляет около 8000 лет назад (СОАН-5490), указывает на рубеж 6–7 тыс. до н. э. (Мерц 2008: 15). Такая датировка укладывается в общепринятые хронологические рамки рубежа мезолита и неолита, но вступает в противоречие с новыми датировками западносибирского неолита, ранние этапы которого датируются 7-м и даже 8-м тыс. до н. э. (Зах 2018; Молодин и др. 2020).

Очевидно, что площадки большинства поселений неоднократно осваивались различными группами древнего населения в разные периоды. Вероятность разновременности археологических материалов, соответствующих таким эпизодам освоения, не всегда учитывается исследователями, и возникают вопросы касательно связи образцов, по которым получены ранние даты,

с датированным комплексом. Например, нам не кажется убедительной связь дат, полученных по образцам из ям на многослойных стоянках Тартас 1 и Усть-Тартас 1 (Молодин и др. 2019), с неолитическими комплексами этих памятников. Из описания следует, что керамика в яме на стоянке Тартас 1 находилась на глубине 1,86 м, а даты получены по образцам, взятым со дна ямы на отметках 3,25 м и выше (Там же 153, 155).

Странно также, что исследователи оперируют датами, полученными из хозяйственных ям непонятного происхождения, а не из достоверно неолитических объектов (жилищ, очагов и т. д.), даты по которым на порядок отличаются от дат из ям (Там же 19). Очевидно, что памятники разновременные, но при этом они рассматриваются как единый культурно-хронологический комплекс, рамки существования которого растягиваются до полутора тысяч лет, что само по себе не очень правдоподобно. К тому же глубина залегания культурного слоя от современной поверхности не превышает полутора штыков, а часто она и того меньше.

Описание общего характера каменной индустрии стоянки Тартас 1 (Molodin et al. 2017 (2021)) и культового места в урочище Таи (Молодин и др. 2022) не показывает её связи с неолитической керамикой. Из публикаций, где приводятся иллюстрации каменных орудий, видно, что материал с поселения Тартас 1 неоднородный, выполненный в разных технологических традициях. Это очень хорошо заметно по широким пластинам основного комплекса и изделиям из тонких длинных ретушированных пластин (Molodin et al. 2017 (2021): 40–41, fig. 14–15). Более цельным представляется комплекс орудий из приклада в яме 148–149 культового места в урочище Таи (Молодин и др. 2022: 20, рис. 6). Он напоминает изделия шидертинской культуры, но мы не знаем, из каких пород сделаны эти орудия, выборка которых небольшая и однородная. Среди них есть одно изделие, описанное как концевой скребок на истощённом торцовом нуклеусе с негативами микропластинчатых снятий (Там же 19, рис. 6: 13). Аналогичным образом, только не на торцовом нуклеусе, а на торце скребка, изготовлено орудие с поселения Борлы (рис. 5: 18). Эти два однотипных изделия из разных памятников могут указывать на их определённую культурно-хронологическую связь.

На наш взгляд, тщательный анализ каменной индустрии с учётом опыта исследований в соседних регионах может способствовать лучшему пониманию ситуации на барабинских памятниках и, возможно, привести к выявлению в обнаруженных на них ямах более ранних материалов. Об этом говорит описанный выше комплекс неолитического поселения Борлы и других памятников Северо-Восточного Казахстана. Их изучение показывает поэтапность освоения древним населением региона сырьевых источников и определённые предпочтения в использовании разных видов сырья. Эти предпочтения переносились и на соседние регионы Западной Сибири, находившиеся в сырьевой зависимости от североказахстанских источников, что в своё время отмечали исследователи Черноозерья VIa (Генинг и др. 1973: 36) и отмечают современные исследователи (Толпеко 2005: 12). Эти наблюдения позволяют использовать сырьевой фактор, с учётом технико-типологических показателей, как культурно-хронологический маркер при изучении смешанных коллекций.

Заключение

О происхождении и возможных культурных связях шидертинской археологической культуры мы уже не раз писали и пока придерживаемся мнения о прикаспийской линии развития данных комплексов. Эти представления можно распространить и на окружающие регионы Казахстана и Западной Сибири, которые развивались в тесном контакте с мощной сырьевой базой Левобережного Прииртышья, влиявшей на экономику и культурное развитие данных регионов. Не исключена вероятность и более широкого распространения аналогичных комплексов к западу, о чём свидетельствует известная близость к ним стоянок Убагана (Зайберт, Потемкина 1981), Зауралья (Крижевская 1991) и части материалов Южного Урала, отнесённых к мезолиту (Мосин 2012), что вполне логично, если связывать их общее происхождение с Прикаспием.

Из южноуральских памятников ближе всего к материалам шидертинской культуры комплекс стоянки Чёрная Гора 2, но он, видимо, смешанный, поскольку содержит пластинки с притупленным краем и ассиметричные трапеции. В стратифицированных памятниках Северо-Восточного Казахстана этот тип изделий зафиксирован только в комплексах с керамикой (Мерц 2008: 11), ни в одном мезолитическом комплексе их нет. Это ещё раз заставляет задуматься о мезолите Южного Урала (Матюшин 1976), Мангышлака (Астафьев, Баландина 2001) и других подобных индустрий, представленных подъёмным материалом (Мосин 2012: 53) или происходящих из поверхностного почвенного слоя. Отметим, что среди описанных В. С. Мосиным южноуральских комплексов, относимых им к мезолиту, нет ни одного, происходящего из памятника с хорошей стратиграфией. Сложность изучения таких комплексов состоит в том, что мы не можем воспринимать их как целостность. В этом отношении наиболее надёжными представляются материалы стоянок Ташково IIa и IV, которые не содержат посторонних примесей и также датируются поздним мезолитом (Крижевская 1991: 44). В отличие от них комплексы шидертинской культуры, видимо, испытали влияние местных традиций, о чём говорит присутствие в них клиновидной техники расщепления, хотя призматическая остается доминирующей.

К сожалению, пока ничего не известно о распространённости подобных индустрий к югу от Павлодарского Прииртышья, остающегося слабо исследованным. На востоке аналогии можно усмотреть в части материалов поселения Павловка I (Кирюшин, Кунгурова 1984: 28–29, 33). Однако на данном этапе изучения мезолита Северного Казахстана мы не видим ничего общего между шидертинскими комплексами и чаглинскими, которые необходимо ещё как следует изучить, чтобы понять, что они собой представляют.

Литература

- Алпысбаев Х. А. 1977. Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана. В: Акишев К. А. (ред.). *Археологические исследования в Отраре*. Алма-Ата: Наука, 93–103.
- Артюхова О. А., Бексеитов Г. Т., Першикова Т. Н. 2003. Полевые исследования палеолитического отряда УКАЭ в 2003 году. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* 2, 51–63.
- Артюхова О. А., Мамиров Т. Б., Клышев Е. Е. 2017. О мезолитической стоянке Новая Казанка 1 в Северном Прикаспии. *Самарский научный вестник* 6 (3), 79–85.

- Астафьев А. Е., Баландина Г. В. 2001. Стоянка Кызылсу 1 — новый мезолитический памятник полуострова Мангышлак. В: *Приоритеты развития культуры и искусства Казахстана на современном этапе*. Алматы: КАЗНИИКИ, 307–323.
- Бексеитов Г. Т. 2002. *Раннеголоценовые комплексы Северо-Восточной части хребта Каратау (Южный Казахстан)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы.
- Волошин В. С. 1976. Работы в Центральном Казахстане. *Археологические открытия 1975 года*. М.: Наука. С. 516.
- Волошин В. С. 1987. Вопросы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана. В: Евдокимов В. В. (ред.). *Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана*. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 3–13.
- Генинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л. 1973. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири. *Из истории Сибири* 5, 24–47.
- Зайтов В. И. 1984. Разведочные работы в Северном Казахстане. *Археологические открытия 1982 года*. М.: Наука. С. 455.
- Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. 1981. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья. *Советская археология* 3, 107–129.
- Зах В. А. 2018. Появление керамики в Западной Сибири (к обсуждению проблемы). *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 4, 20–31.
- Искаков Г. Т. 2006. *Каменная индустрия Мугуджар и Северного Приаралья в мезолите-энеолите*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы.
- Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. 1984. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I. В: Кирюшин Ю. Ф. (ред.). *Археология и этнография Южной Сибири: Межвузовский сборник научных статей*. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 25–40.
- Клапчук М. Н. 1969. *Атлас руководящих форм и комплексов археологических находок каменного века Центрального Казахстана*. Караганда: Б. и.
- Клышнев Е. Е., Кольцов П. М. 2015. Мезолитические памятники Западного Казахстана. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН* 8 (3), 59–63.
- Коробкова Г. Ф. 1989. Мезолит Средней Азии и Казахстана. В: Кольцов Л. В. (ред.). *Мезолит СССР*. М.: Наука, 87–133.
- Крижевская Л. Я. 1991. Мезолитическое поселение Ташково IV и некоторые общие вопросы мезолита Урала. *Вопросы археологии Урала* 20, 31–69.
- Логвин В. Н. 1977. Новый памятник каменного века Кустанайской области. *Советская археология* 4, 270–275.
- Матюшин Г. Н. 1976. *Мезолит Южного Урала*. М.: Наука.
- Медоев А. Г. 1965. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. *Вестник АН КазССР* 5, 88.
- Мерц В. К. 1992. Раскопки на стоянке Шидерты 3. В: Зайберт В. Ф. (ред.). *Маргулановские чтения*. Петропавловск: Жана Арка, 24–26.
- Мерц В. К. 1998. Стоянка каменного века Кара-Будур 3. *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края IX*, 51–54.
- Мерц В. К. 2004. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана. *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан*. Серия общественных наук 1 (242), 23–33.
- Мерц В. К. 2006. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3. В: Мерц В. К. (ред.). *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья*. Вып. 2. Павлодар: ЭКО, 10–23.
- Мерц В. К. 2007. Мезолитические комплексы стоянки Шидерты 3. *Вестник Казахского национального университета*. Серия историческая 1 (44), 108–110.
- Мерц В. К. 2008. *Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.

- Мерц В. К. 2018. Процессы неолитизации в Северо-Восточном Казахстане. *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки» 3 (19), 99–109.
- Молодин В. И., Ненахов Д. А., Мыльникова Л. Н., Райнхольд С., Пархомчук Е. В., Калинин П. Н., Пархомчук В. В., Растигеев С. А. 2019. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН». *Археология, этнография и антропология Евразии* 1, 15–22.
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Нестерова М. С., Ненахов Д. А. 2020. Барабинская культура раннего неолита. *Вестник Новосибирского университета*. Серия «История, филология» 19 (7), 69–93.
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Кобелева Л. С., Селин Д. В. 2022. Ранненеолитическое святилище в правобережном Прииртышье. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2, 13–27.
- Мосин В. С. 2012. Мезолитические стоянки лесостепного Зауралья. *Вестник Пермского университета*. История 1, 50–66.
- Мотов Ю. А. 1979. Древности Бийликуля. В: Асеев И. В. (ред.). *Сибирь в древности*. Новосибирск: Наука, 33–44.
- Павленок Г. Д., Гладышев С. А., Ульянов В. А., Бочарова Е. Н., Курбанов Р. Н., Кулик Н. А., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А. 2021. Мезолит Восточного Казахстана (по материалам стоянки Карасай). *Stratum plus* 1, 301–317.
- Подзюбан Е. В. 2002. Новые мезолитические памятники на территории Костанайского Притоболья. В: Кривошапкин А. И. (ред.). *Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии*. Новосибирск: ИАЕ СО РАН, 173–177.
- Подзюбан Е. В. 2021. Мезолитические стоянки в верховьях Притоболья. *Вестник Кемеровского университета* 4, 897–910.
- Толпеко И. В. 2005. *Каменная индустрия поселений эпохи ранней бронзы окуневского археологического комплекса*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Чиндин А. Ю. 1989. Относительная хронология кремневого инвентаря поселения Акимбек. В: Евдокимов В. В. (ред.). *Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана*. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 13–19.
- Чиндин А. Ю. 1992. Новые данные по мезолиту Центрального Казахстана В: Зайберт В. Ф. (ред.). *Маргулановские чтения*. Петропавловск: Жана Арка, 32–35.
- Molodin V. I., Hansen S., Myl'nikova L. N., Reinhold S., Nenachov D. A., Nesterova M. S., Durakov I. A., Kobeleva L. S., Nenachova Ju. N. 2017 (2021). Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland). *Eurasia Antiqua* 23, 27–88.
- Pavlenok G., Bocharova E., Gladyshev S., Ulianov V., Markovskiy G., Kharevich V., Taimagambetov Z., Anoin A. 2021. The Karasai site — The first stratified Mesolithic assemblage in eastern Kazakhstan. *Archaeological Research in Asia* 25, 301–318.

References

- Alpysbaev Kh. A. 1977. Mezoliticheskie i neoliticheskie stoyanki Yuzhnogo Kazahstana. In: Akishev K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya v Otrare*. Alma-Ata: «Nauka» Publ., 93–103 (in Russian).
- Artyuhova O. A., Bekseitov G. T., Pershikova T. N. 2003. Polevye issledovaniya paleoliticheskogo otryada UKAE v 2003 godu. *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazahstana* 2, 51–63 (in Russian).
- Artyuhova O. A., Mamirov T. B., Klyshev E. E. 2017. O mezoliticheskoy stoyanke Novaya Kazanka 1 v Severnom Prikaspii. *Samarskiy nauchnyy vestnik* 6 (3), 79–85 (in Russian).
- Astaf'ev A. E., Balandina G. V. 2001. Stoyanka Kyzylsu 1 — novyj mezoliticheskij pamyatnik poluostrova Mangyshlak. In: *Prioritety razvitiya kul'tury i iskusstva Kazahstana na sovremennoy etape*. Almaty: «KAZNIKI» Publ., 307–323 (in Russian).

- Bekseitov G. T. 2002. *Rannegolocenovye komplekсы Severo-Vostochnoj chasti hrebta Karatau (Yuzhnyj Kazahstan)*. Abstract of Ph.D. thesis. Almaty (in Russian).
- Chindin A. Yu. 1989. Otnositel'naya hronologiya kremnevogo inventarya poseleniya Akimbek. In: Evdokimov V. V. (ed.). *Voprosy periodizacii arheologicheskikh pamyatnikov Central'nogo i Severnogo Kazahstana*. Karaganda: «Izdatelstvo Karagandinskogo universitetata» Publ., 13–19 (in Russian).
- Chindin A. Yu. 1992. Novye dannye po mezolitu Central'nogo Kazahstana In: Zajbert V. F. (ed.). *Margulanovskie chteniya*. Petropavlovsk: «Zhana Arka» Publ., 32–35 (in Russian).
- Gening V. F., Petrin V. T., Kosinskaya L. L. 1973. Pervye poseleniya epohi pozdnego paleolita i mezolita v Zapadnoj Sibiri. *Iz istorii Sibiri* 5, 24–47 (in Russian).
- Iskakov G. T. 2006. *Kamennaya industriya Mugodzhar i Severnogo Priaral'ya v mezolite-eneolite*. Abstract of Ph.D. thesis. Almaty (in Russian).
- Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu. 1984. O rezul'tatah izucheniya kamЕННОЙ industrii poseleniya Pavlovka I. In: Kiryushin Yu. F. (ed.). *Arheologiya i etnografiya Yuzhnoj Sibiri: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej*. Barnaul: «Izdatelstvo Altajskogo universiteta» Publ., 25–40 (in Russian).
- Klapchuk M. N. 1969. *Atlas rukovodyashchih form i kompleksov arheologicheskikh nahodok kamennogo veka Central'nogo Kazahstana*. Karaganda (in Russian).
- Klyshev E. E., Kol'cov P. M. 2015. Mezoliticheskie pamyatniki Zapadnogo Kazahstana. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* 8(3), 59–63 (in Russian).
- Korobkova G. F. 1989. Mezolit Srednej Azii i Kazahstana. In: Kol'cov L. V. (ed.). *Mezolit SSSR*. Moscow: «Nauka» Publ., 87–133 (in Russian).
- Krizhevskaya L. Ya. 1991. Mezoliticheskoe poselenie Tashkovo IV i nekotorye obshchie voprosy mezolita Urala. *Voprosy arheologii Urala* 20, 30–45 (in Russian).
- Logvin V. N. 1977. Novyj pamyatnik kamennogo veka Kustanajskoj oblasti. *Sovetskaya arheologiya* 4, 270–275 (in Russian).
- Matyushin G. N. 1976. *Mezolit Yuzhnogo Urala*. Moscow: «Nauka» Publ. (in Russian).
- Medoev A. G. 1965. Topografiya stoyanok kamennogo veka v Severnom Pribalhash'e. *Vestnik AN KazSSR* 5, 88 (in Russian).
- Merz V. K. 1992. Raskopki na stoyanke Shiderty 3. In: Zajbert V. F. (ed.). *Margulanovskie chteniya*. Petropavlovsk: «Zhana Arka» Publ., 24–26 (in Russian).
- Merz V. K. 1998. Stoyanka kamennogo veka Kara-Budur 3. *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* IX, 51–54 (in Russian).
- Merz V. K. 2004. Ob izuchenii golocenovyh kompleksov Severo-Vostochnogo Kazahstana. *Izvestiya Nacional'noj akademii nauk Respubliki Kazahstan. Seriya obshchestvennyh nauk* 1 (242), 23–33 (in Russian).
- Merz V. K. 2006. Industriya chetvertogo sloya stoyanki Shiderty 3. In: Merz V. K. (red.). *Izuchenie pamyatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya*. Vyp. 2. Pavlodar: EKO, 10–23.
- Merz V. K. 2007. Mezoliticheskie komplekсы stoyanki Shiderty 3. *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Seriya istoricheskaya* 1 (44), 108–110 (in Russian).
- Merz V. K. 2008. *Periodizaciya i hronologiya golocenovyh kompleksov Severnogo i Central'nogo Kazahstana po materialam mnogoslojnoj stoyanki Shiderty 3*. Abstract of Ph.D. thesis. Kemerovo (in Russian).
- Merz V. K. 2018. Processy neolitizacii v Severo-Vostochnom Kazahstane. *Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki* 3 (19), 99–109 (in Russian).
- Molodin V. I., Hansen S., Myl'nikova L. N., Reinhold S., Nenachov D. A., Nesterova M. S., Durakov I. A., Kobeleva L. S., Nenachova Ju. N. 2017 (2021). Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland). *Eurasia Antiqua* 23, 27–88.
- Molodin V. I., Nenahov D. A., Myl'nikova L. N., Rajnhol'd S., Parhomchuk E. V., Kalinkin P. N., Parhomchuk V. V., Rastigeev S. A. 2019. Radiouglerodnoe datirovanie kompleksa epohi rannego neolita pamyatnika Tartas-1 (Srednee Priom'e) s ispol'zovaniem ustanovki «Uskoritel'nyj mass-spektrometr IYAF SO RAN». *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 1, 15–22 (in Russian).

- Molodin V.I., Myl'nikova L. N., Kobeleva L. S., Nesterova M. S., Nenahov D. A. 2020. Barabinskaya kul'tura rannego neolita. *Vestnik Novosibirskogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* 19 (7), 69–93 (in Russian).
- Molodin V.I., Myl'nikova L. N., Nesterova M. S., Kobeleva L. S., Selin D.V. 2022. Ranne-neoliticheskoe svyatilishche v pravoberezhnom Priirtysh'e. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* 2, 13–27 (in Russian).
- Mosin V.S. 2012. Mezoliticheskie stoyanki lesostepnogo Zaural'ya. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* 1, 50–66 (in Russian).
- Motov Yu. A. 1979. Drevnosti Bijlikulya. In: Aseev I. V. (ed.). *Sibir' v drevnosti*. Novosibirsk: «Nauka» Publ., 33–44 (in Russian).
- Pavlenok G., Bocharova E., Gladyshev C., Ulianov V., Markovskiy G., Kharevich V., Taimagambetov Z., Anojkin A. 2021. The Karasai site — The first stratified Mesolithic assemblage in eastern Kazakhstan. *Archaeological Research in Asia* 25, 301–318.
- Pavlenok G.D., Gladyshev S. A., Ul'yanov V. A., Bocharova E.N., Kurbanov R.N., Kulik N. A., Tajmagambetov Zh. K., Anojkin A. A. 2021. Mezolit Vostochnogo Kazahstana (po materialam stoyanki Karasaj). *Stratum plus* 1, 301–317 (in Russian).
- Podzyuban E.V. 2002. Novye mezoliticheskie pamyatniki na territorii Kostanajskogo Pritobol'ya. In: Krivoshepin A.I. (ed.). *Problemy kamennogo veka Srednej i Central'noj Azii*. Novosibirsk: «IAE SO RAN» Publ., 173–177 (in Russian).
- Podzyuban E.V. 2021. Mezoliticheskie stoyanki v verhov'yah Pritobol'ya. *Vestnik Kemerovskogo universiteta* 4, 897–910 (in Russian).
- Tolpeko I.V. 2005. *Kamennaya industriya poselenij epohi rannej bronzy okunevskogo arheologicheskogo kompleksa*. Abstract of Ph.D. thesis. Barnaul (in Russian).
- Voloshin V.S. 1976. Raboty v Central'nom Kazahstane. *Arheologicheskie otkrytiya 1975 goda*. Moscow: «Nauka» Publ., p. 516 (in Russian).
- Voloshin V.S. 1987. Voprosy hronologii i periodizacii paleolita Central'nogo Kazahstana. In: Evdokimov V.V. (ed.). *Voprosy periodizacii arheologicheskikh pamyatnikov Central'nogo i Severnogo Kazahstana*. Karaganda: «Izdatelstvo Karagandinskogo universiteta» Publ., 3–13 (in Russian).
- Zaitov V.I. 1984. Razvedochnye raboty v Severnom Kazahstane. *Arheologicheskie otkrytiya 1982 goda*. Moscow: «Nauka» Publ., p. 455 (in Russian).
- Zajbert V.F., Potemkina T.M. 1981. K voprosu o mezolite lesostepnoj chasti Tobolo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. *Sovetskaya arheologiya* 3, 107–129 (in Russian).
- Zah V.A. 2018. Poyavlenie keramiki v Zapadnoj Sibiri (k obsuzhdeniyu problemy). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* 4, 20–31 (in Russian).